

Посвящается Богине

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Источник всего сущего — свет — может проявляться по-разному, и проявлений этих намного больше, чем звезд во Вселенной, поверьте. Порой всего лишь одной доброй мысли довольно, чтобы твой свет воссиял. В то же время один лишь неверный поступок способен испепелить заповедный лес в твоей душе, так что для тебя померкнет сияние всех звезд под всеми небесами. И долгеваяющие угли потерянной любви или утраченной веры будут внушать тебе, что все кончено и жить больше незачем. Но это не так. И никогда так не было и не будет. Что бы ты ни делал и где бы ни очутился, сияние останется с тобой. Все светлое, что кажется умершим внутри тебя, вновь оживет, если ты по-настоящему этого захочешь. Сердце просто не в силах отрешиться от надежды, потому что сердце не умеет лгать. Перевернув страницу в книге жизни и подняв глаза, ты вдруг встретишь улыбку абсолютно незнакомого человека, и поиск пойдет по новому кругу. Но это не будет повторением прежнего. Всякий раз это нечто иное, нечто особенное. Так и твой заповедный лес, заново выросший на пепелище, может оказаться более густым и мощным, чем был до пожара. И если ты удержишься в этом сиянии, в этом новом круге света внутри себя, не помня зла и никогда не сдаваясь, рано или поздно ты вновь окажешься там, где любовь и красота сотворили мир: в самом начале. В начале начал.

— Ого, да это Лин! Вот так начало дня! — прокричал Викрам из влажного сумрака. — Как ты меня нашел? Когда ты вернулся?

— Только что, — сказал я и шагнул с веранды через порог широченных французских дверей. — Мне сказали, ты должен быть здесь. Выйди на минутку.

— Нет уж, лучше ты заходи, дружище, — рассмеялся Викрам. — Кое с кем познакомишься.

Я не спешил принять это приглашение. Двери закрылись, и после залитой солнцем улицы мои глаза различали в глубине комнаты лишь ступки теней, рассеянные двумя лезвиями яркого света, который прорывался сквозь щели в опущенных жалюзи. И в этих узких лучах клубился дым с запахами гашиша и жженой ванили, последний — от курения плохо очищенного героина.

Позднее, вспоминая тот день, тяжелый дурманящий аромат, смутные тени и разрезающие комнату лучи, я задавался вопросом: уж не сама ли судьба пыталась меня уберечь, задерживая на входе и не пуская внутрь? И еще я спрашивал себя: насколько иной была бы моя жизнь, развернись я тогда и уйди прочь?

Варианты действий, которые мы выбираем, являются ветвями на гигантском дереве возможностей. И так уж вышло, что Викрам и незнакомцы в той комнате стали ветвями, которые на протяжении трех сезонов дождей тесно переплетались с моей ветвью в этих урбанистических джунглях любви, смерти и воскрешения.

Одну деталь я запомнил особо отчетливо: когда я (сам еще не понимая почему) в нерешительности застыл на пороге и возникший из сумрака Викрам взял меня за локоть, чтобы увлечь вглубь комнаты, я внезапно содрогнулся всем телом от прикосновения его влажной руки.

Самым примечательным объектом в этом просторном помещении была монументальная, длиной метра три, кровать у левой стены. На кровати лежал, вытянувшись и сложив руки на груди, мужчина в серебристой пижаме, не подававший признаков жизни. Во всяком случае, я не заметил ни малейшего движения его груд-

ной клетки. По краям кровати слева и справа от него сидели двое и сосредоточенно набивали чиллумы¹.

Изрядную часть стены прямо над головой мертвого — или спящего мертвым сном — занимало изображение пророка Заратустры, почитаемого парсами².

Когда глаза привыкли к полумраку, я разглядел у противоположной от входа стены три кресла, разделенные парой массивных старинных комодов; и в каждом из кресел кто-то сидел.

Еще там был огромный и очень дорогой персидский ковер на полу, а на стенах — множество фотографий людей в традиционных одеяниях парсов. У правой стены, напротив кровати, на мраморном столике разместился музыкальный центр. Неторопливое вращение двух потолочных вентиляторов почти не тревожило густые клубы дыма, витавшие в комнате.

Викрам провел меня мимо кровати и представил человеку, сидевшему в ближайшем из трех кресел. Европейской внешности; ростом явно выше меня, судя по длинному телу и еще более длинным ногам (развалившись в кресле, он принял такую позу, словно лежал в ванне, высоко задрав колени). На вид ему было лет, наверно, тридцать пять.

— Это Конкэннон, — сказал Викрам, подталкивая меня вперед. — Он из ИРА³.

Рука, пожимавшая мою, была теплой, сухой и очень сильной.

¹ *Чиллум* — прямая трубка из глины или стекла (реже — из дерева, камня и др. материалов) с обточенным камешком внутри в качестве фильтра, традиционно используемая для курения гашиша и марихуаны. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Парсы* — жители Индии иранского происхождения, исповедующие зороастризм.

³ *ИРА (Ирландская республиканская армия)* — радикальная националистическая организация, добывающаяся отделения Северной Ирландии от Великобритании и воссоединения ее с Ирландской Республикой. В 2005 г. руководство ИРА объявило о прекращении вооруженной борьбы, но одна из отколовшихся фракций, «Подлинная ИРА», продолжила террористическую деятельность.

— К чертям собачьим ИРА! — произнес он с характерным североирландским акцентом. — Я ольстерец, из Ассоциации обороны¹, хотя такие нюансы выше понимания сраных дикарей вроде этого Викрама.

Мне понравился решительный блеск в его глазах, но не понравилась его грубость. Кивнув в знак приветствия, я прервал рукопожатие.

— Не слушай его, — сказал Викрам. — Он вечно хамит и обливает всех грязью, зато оттянуться по полной может так, как никто из иностранцев, а уж я-то их повидал.

Говоря это, он подвел меня к среднему креслу. Сидевший в нем молодой человек как раз в тот момент раскуривал чиллум с гашишем от спички, которую ему поднес сосед из третьего кресла. Пламя втянулось в трубку, а затем выплеснулось на выдохе, взметнувшись над головой курильщика.

— *Бом Шанкар!*² — крикнул Викрам, протягивая руку к трубке. — Лин, это Навин. Он частный детектив. Клянусь честью, настоящий детектив! Навин, это Лин, о котором я тебе рассказывал. Он врачует людей в трущобах.

Молодой человек поднялся и пожал мне руку.

— Вообще-то, я не так чтобы настоящий детектив, пока что, — промолвил он и криво улыбнулся.

— Не беда, — сказал я, улыбаясь в ответ. — А я не так чтобы настоящий врач, если на то пошло.

Третий человек, перед тем подносивший спичку к чиллуму, затянулся в свою очередь и предложил труб-

¹ Ассоциация обороны Ольстера — протестантская военизированная группировка в Северной Ирландии, созданная в противовес католической ИРА. В 2010 г. группировка объявила о своем разоружении.

² *Бом Шанкар!* — одна из мантр, выкрикиваемых индийскими курильщиками гашиша перед затяжкой. По сути, это приветственное обращение к Шиве, богу-покровителю чараса (гашиша). Шанкар — одно из многих имен этого бога.

ку мне. Я изобразил вежливый отказ, и тогда он передал ее одному из мужчин, сидевших на кровати.

— Винсон, — представился он; рука при пожатии напомнила мне лапу большого добродушного пса. — Стюарт Винсон. Много о вас наслышан, старина.

— Да о Лине здесь наслышана любая подзаборная шавка, — заявил Конкэннон, принимая трубку у одного из людей с кровати. — Викрам трещит о тебе с утра до ночи, как сопливая фанатка о любимой поп-звезде. Лин то, Лин сё, Лин туда, Лин сюда и хрен знает куда еще. Признайся, Викрам, ты у него отсасывал? Он и впрямь так хорош или это просто байки?

— Боже правый, Конкэннон! — воскликнул Винсон.

— А что такого? — удивился Конкэннон. — Что такого? Я всего лишь задал человеку вопрос. Индия пока еще свободная страна, не так ли? По крайней мере, в тех ее частях, где говорят по-английски.

— Не обращай внимания, — сказал мне Винсон, пожимая плечами. — Уж таков он есть и ничего не может с собой поделывать. У него типа херачий синдром Туретта¹.

Американец Стюарт Винсон обладал крепким телосложением, широкими и правильными чертами лица и копной светлых волос, как будто растрепанных сильным порывом ветра, что придавало ему вид бесшабашного морского бродяги, такого яхтсмена-одиночки в кругосветном плавании. На самом же деле он был наркоторговцем, и весьма преуспевающим. Я слышал о нем, точно так же как он слышал обо мне.

— А это Джамал, — сказал Викрам, пропустивший мимо ушей слова Винсона и Конкэннона и теперь знакомивший меня с человеком на левой стороне кровати. — Сам импортирует сырье, сам его перерабатывает, сам фасует и сам же выкуривает. Все-в-одном.

¹ *Синдром Туретта* — впервые научно описанный французским врачом Жилем де ла Туреттом (1857–1904) вид нервного расстройства, сопровождаемого множественными тиками и периодическим выкрикиванием бранных слов и оскорблений.

— Все-в-одном, — повторил Джамал.

Он был тощий, с глазами-хамелеонами и весь в священных амулетах с головы до ног. Впечатленный таким благочестием, я бегло оглядел коллекцию и успел опознать символику пяти крупнейших религий, прежде чем зацепился взглядом за его улыбку.

— Все-в-одном, — сказал я.

— Все-в-одном, — повторил он.

— Все-в-одном, — сказал я.

— Все-в-одном, — повторил он.

Я был готов продолжить эту интересную беседу, но меня прервал Викрам.

— Билли Бхасу, — объявил он, представляя мне щедедушного человечка с кожей кремового цвета, который сидел на кровати по другую сторону от неподвижного тела.

Билли Бхасу соединил ладони в приветствии, после чего продолжил чистку одного из чиллумов.

— Билли Бхасу — «доставала», — сообщил мне Викрам. — Он может мигом достать все, что угодно. Все, что только пожелаешь, от девчонки до мороженки. Испытай его. Прямо сейчас. Попроси достать мороженое, и ты получишь его тут же. Только скажи!

— Но я не хочу...

— Билли, достань Лину мороженое!

— Один момент, — сказал Билли, откладывая в сторону чиллум.

— Нет, Билли, — сказал я с протестующим жестом. — Я не хочу мороженого.

— Но ты ведь любишь мороженое, я знаю, — сказал Викрам.

— Не настолько, чтобы посылать за ним гонца. Сиди спокойно, приятель.

— Если уж он собрался что-то достать, — прозвучал из тени голос Конкэннона, — я голосую за то и другое: за мороженое и за девчонку. За двух девчонок. И побыстрее шевели своей жопой!

— Ты его слышал, Билли? — спросил Викрам.

Он шагнул к кровати и начал стаскивать с нее Билли, но в этот миг раздался новый голос, глубокий и звучный, исходивший от распростертого на кровати тела. При звуках его Викрам замер, как под дулом пистолета.

— Викрам, — сказал этот голос, — ты ломаешь мне кайф, старик!

— О черт! О черт! О черт! Прошу прощения, Деннис, — быстро забормотал Викрам. — Я тут просто знакомлю Лина с ребятами, ну и...

— Лин, — произнес человек на постели и, открыв глаза, уставился на меня.

Глаза были на удивление светлыми, с бархатистым сиянием.

— Меня зовут Деннис. Рад познакомиться. Будьте как дома. *Mi casa es su casa*¹.

Я подошел и пожал вялое птичье крылышко, приподнятое навстречу мне Деннисом, а затем вернулся к изножью кровати. Деннис провожал меня взглядом. Губы его сложились в слабую доброжелательную улыбку.

— Ух ты! — сказал Викрам, становясь рядом со мной. — Деннис, дружище, рад видеть тебя вернувшимся. И как оно было на той стороне?

— Было тихо, — выдохнул Деннис, не прекращая улыбаться мне. — Очень тихо. Вплоть до недавних мгновений.

К нам присоединились Конкэннон и Навин Адэр, начинающий детектив. И все глазели на Денниса.

— Это большая честь, Лин, — сказал Викрам. — Деннис глядит *на тебя*.

Ненадолго установилось молчание, прерванное Конкэнноном.

— Вот ни хрена себе! — прорычал он сквозь ухмылку, скорее похожую на оскал. — Я торчу здесь уже гребаных полгода, делюсь опытом и знаниями, курю твою

¹ Мой дом — ваш дом (*исп.*).

дурь и пью твой виски, и за все это время ты лишь дважды открыл глаза. Но стоило только Лину войти в дверь, и ты уставился на него так, будто он весь горит ярким пламенем. Ну а я-то кто, по-твоему: кусок говна ходячий?

— По всему, так прямо вылитый, — негромко заметил Винсон.

Конкэннон расхохотался. Деннис моргнул.

— Конкэннон, — прошептал он, — я люблю тебя, как доброго призрака, но ты ломаешь мне кайф.

— Прости, Деннис, дружище, — ухмыльнулся Конкэннон.

— Лин, — произнес Деннис, в то время как его голова и тело сохраняли полную неподвижность, — не сочти меня грубым, но сейчас я должен отдохнуть. Был рад тебя повидать.

Он повернул голову на один градус в сторону Викрама.

— Викрам, — пробормотал он все тем же густым рокочущим басом, — будь добр, кончай эту суету. Ты ломаешь мне кайф, приятель. Сделай одолжение, заткнись.

— Конечно, Деннис. Извини.

— Билли Бхасу? — тихо позвал Деннис.

— Я тут, Деннис.

— К черту мороженое.

— К черту мороженое, Деннис?

— К черту мороженое. Никто не получит мороженого. Только не сегодня.

— Как скажешь, Деннис.

— Значит, с мороженым все ясно?

— Да: к черту мороженое, Деннис.

— И я не хочу слышать слово «мороженое» как минимум в ближайшие три месяца.

— Как скажешь, Деннис.

— Вот и ладно. А теперь, Джамал, набей мне еще один чиллум. Побольше и позабористей. Гигантский, легендарный чиллум. Это будет как акт милосердия, почти наравне с чудом. Всем пока — и здесь, и там.

Деннис сложил на груди руки, закрыл глаза и вернулся к своему отдыху: застывший как мертвец, при пяти слабых вдохах в минуту.

Никто не шевелился и не подавал голоса. Джамал со всей возможной оперативностью занялся приготовлением легендарного чиллума. Все прочие смотрели на Денниса. Я дернул Викрама за рубашку.

— Давай-ка выйдем, — сказал я и потянул его прочь из комнаты. — Всем пока — и здесь, и там.

— Эй, подождите меня! — позвал Навин, выскакивая вслед за нами из французских дверей.

На улице свежий воздух взбодрил Викрама и Навина. Шаг их ускорился, подстраиваясь под мой.

В тенистом коридоре, образуемом стенами трехэтажных домов и густыми кронами платанов, дул бриз, принося рыбный запах с близлежащего причала Сассуна.

В промежутках между деревьями на улицу прорывались лучи солнца. Попадая в очередное пятно слепящего жара, я чувствовал, как меня накрывает солнечный прилив, чтобы затем вновь отхлынуть под сенью листьев.

Небо было бледно-голубым, затянутым легкой дымкой — как обкатанное волнами стекло. На крышах автобусов сидели вконец обленившиеся вороны, «зайцами» перемещаясь в сторону более прохладных частей города. Крики людей, кативших ручные тележки, звучали решительно и свирепо.

Это был один из тех ясных бомбейских дней, когда жители города, мумбаиты, испытывают непреодолимое желание петь; и я услышал, как проходивший мне навстречу человек напевает ту же самую любовную песню на хинди, что в тот момент мурлыкал и я.

— Забавно, — сказал Навин. — Вы с ним оба пели одну песню.

Я улыбнулся и хотел было исполнить еще пару-другую куплетов — как у нас принято в стеклянно-голубые бомбейские деньки, — но тут Викрам вмешался с вопросом:

— Ну и как все прошло? Забрал?

Я стараюсь не слишком часто ездить в Гоа, в том числе и потому, что при каждой такой поездке знакомые нагружают меня всякими дополнительными поручениями. Вот и на сей раз, когда я тремя неделями ранее сказал Викраму, что собираюсь в Гоа, он попросил меня об услуге.

Как выяснилось, он отдал тамошнему ростовщику-акуле одно из свадебных украшений своей матери — ожерелье с мелкими рубинами — в залог при получении ссуды. Деньги с процентами Викрам вернул, но ростовщик отказался возвращать ожерелье. Он потребовал, чтобы Викрам лично явился за ним в Гоа. Зная, что ростовщик с почтением относится к мафии Санджая, на которую я работал, Викрам попросил меня потолковать с этим типом.

Я это сделал и добыл ожерелье, хотя Викрам сильно переоценил почтение ростовщика к нашей мафии. Я проторчал в Гоа лишнюю неделю, пока тот водил меня за нос, отменяя одну назначенную встречу за другой и оставляя записки с оскорблениями в адрес меня и людей Санджая; но в конечном счете ожерелье он вернул.

Впрочем, к тому моменту у него уже не оставалось другого выбора. Он был акулой, но мафия, которую он оскорбил, была акульей стаей. Я привлек четырех местных парней, которые также работали на Санджая. Впятером мы отметили за милую душу крышевавших акулу бандитов и обратили их в бегство.

Потом мы добрались до ростовщика, и тот отдал мне ожерелье. Далее один из моих местных помощников победил его в честном бою и продолжил бить уже бесчестно, пока почтение акулы к мафии Санджая не возросло до вполне удовлетворительных размеров...

— Ну и как? — не унимался Викрам. — Ты забрал его или нет?

— Держи, — сказал я, доставая ожерелье из кармана пиджака.

— Чудесно! Ты справился! Я знал, что могу на тебя положиться. С Дэнни были какие-нибудь осложнения?

— Вычеркни этот источник займов из своего списка.

— *Тхик*¹, — сказал Викрам.

Он вытянул ожерелье из синего шелкового мешочка, и рубины загорелись на солнце, окровавив своим сиянием его сложенные в пригоршню ладони.

— Послушай, я... я должен прямо сейчас отвезти это к моей маме. Хотите, парни, я вас подброшу?

— Тебе же совсем в другую сторону, — сказал я, когда Викрам взмахом остановил проезжавшее такси. — А мне и пешком недолго до «Леопольда». В тех краях припаркован мой байк.

— Если ты не против, я бы прошелся немного с тобой, — предложил Навин.

— Дело твое, — сказал я, наблюдая за тем, как Викрам прячет шелковый мешочек под рубашку, для надежности.

Он уже начал садиться в машину, когда я придержал его и, наклонившись поближе, тихо сказал:

— Ты что с собой творишь?

— О чем ты?

— Не финти, Вик, я же просек по запаху.

— Какие финты! — запротестовал он. — Ну да, слегка догнался коричневым, и что с того? Дурь-то не моя, а Конкэннона. Он заплатил, а я только...

— Ладно-ладно, не заморачивайся.

— Я никогда не заморачиваюсь, ты меня знаешь.

— Некоторые люди могут по своей воле спрыгнуть с героина, Вик. Допустим, Конкэннон из таких. Но не ты, и тебе самому это отлично известно.

Он улыбнулся, и пару секунд я видел перед собой прежнего Викрама: того Викрама, который сам отправился бы в Гоа вызволять ожерелье, не обращая за помощью ко мне или кому-то другому; того Викрама, у которого вообще не возникло бы надобности в такой поездке, поскольку он ни за что не отдал бы в залог драгоценности своей матери.

¹ Ладно (*хинди*).

Улыбка погасла в его глазах, когда он садился в такси. Я проводил его взглядом, понимая опасность ситуации, в которой он оказался: неисправимый оптимист, выбитый из колеи несчастной любовью.

Когда я продолжил путь, ко мне сбоку пристроился Навин.

— Он много говорит о девушке, об англичанке, — сказал Навин.

— Это одна из тех историй, которые обязаны иметь счастливый конец, но в жизни такое случается редко.

— Он также много говорит о тебе, — сказал Навин.

— У него длинный язык.

— И еще он говорит о Карле, Дидье и Лизе. Но больше всего он говорит о тебе.

— У него слишком длинный язык.

— Он говорил мне, что ты сбежал из тюрьмы. И что ты до сих пор в розыске.

Я остановился:

— Теперь уже твой язык удлинился не в меру. Это что, языковая эпидемия?

— Нет, позволь мне объяснить. Ты помог одному моему другу, Аслану...

— Что?

— Мой друг...

— О чем ты говоришь?

— Это случилось недели две назад, ночью, неподалеку от причала Балларда. Ты помог ему, когда он влип в историю.

И я вспомнил ту ночь и молодого парня, бегущего мне навстречу по широкой улице в деловом районе Баллард, — по обе стороны там сплошными стенами запертые офисные здания, некуда свернуть и негде укрыться. Преследователи настигают, и парень останавливается (три тени от уличных огней расходятся от него в разные стороны). Он уже готов принять бой в одиночку, и тут вдруг выясняется, что он не одинок...

— Ну и в чем дело?

— Он умер. Три дня назад. Я пытался тебя найти, но ты был в Гоа. И сейчас я пользуюсь случаем, чтобы сказать тебе это.

— Что именно сказать?

Он замялся. Я был с ним нарочито резок после упоминания побега и сейчас хотел скорее перейти к сути дела.

— Мы с ним подружились в университете, — начал он ровным голосом. — Аслан любил бродить по ночам в опасных местах. Как и я. Да и ты тоже — иначе как бы ты оказался в том месте той ночью, чтобы ему помочь? И я подумал, что ты, может быть, захочешь узнать, что с ним стало.

— Ты меня за дурака держишь?

Мы стояли на тротуаре в негустой тени платанов, в каких-то дюймах друг от друга, и нас огибали потоки пешеходов.

— С чего ты взял?

— Ты сейчас выложил козырь — знание о моем побеге из тюрьмы — только для того, чтобы сообщить мне печальную новость о смерти Аслана? Только поэтому? Ты настолько чокнутый или настолько славный парень?

— Полагаю, — сказал он, начиная злиться, — что я настолько славный. Наверно, я даже слишком славный, поскольку решил, что мое сообщение для тебя хоть что-нибудь значит. Сожалею, что тебя побеспокоил. Не хочу быть назойливым. Извини. Я пошел.

Я задержал его.

— Погоди-ка! — сказал я. — Погоди!

По сути, с ним все было правильно: открытый взгляд, уверенность в собственной правоте и светлая улыбка в придачу. Инстинкт обычно распознает своих. Вот и мой инстинкт распознал своего в этом парне, который стоял передо мной с таким рассерженным и оскорбленным видом. С ним все было правильно, честь по чести, — а такое встречаешь не часто.

— Ладно, я перегнул палку, — сказал я, поднимая руку в примирительном жесте.

— Да я без претензий, — ответил он, успокаиваясь.
— Тогда вернемся в Викраму, проболтавшемуся о моем побеге. Информация такого рода может вызвать интерес у Интерпола — и уж точно всегда вызывает интерес у меня. С этим все ясно?

То был не вопрос, и он меня понял.

— В гробу я видал Интерпол.

— Но ты же детектив, как-никак.

— В гробу я видал детективов. Это информация о друге, которую нельзя скрывать от этого друга, если случайно получил к ней доступ. Или ты не в курсе таких простых вещей? Я вырос на улицах, вот на этих самых улицах, и я это знаю четко.

— Однако мы с тобой не друзья.

— Пока что нет, — улыбнулся Навин.

Несколько секунд я молча смотрел на него.

— Ты любишь ходить пешком?

— Люблю ходить пешком, болтая языком, — сказал он, стараясь шагать в ногу со мной, насколько этому позволяло хаотичное перемещение по тротуару других пешеходов.

— В гробу я видал Интерпол, — повторил он чуть погодя.

— И болтать языком ты действительно любишь?

— Как и ходить пешком.

— Хорошо, тогда расскажи мне на ходу три короткие истории.

— Запросто. О чем первая прогулочная история?

— О Деннисе.

— Честно говоря... — Навин рассмеялся, увернувшись от женщины, которая тащила на голове здоровый бумажный тюк. — Сегодня я был там впервые, как и ты. К тому, что ты видел своими глазами, могу добавить лишь то, что я слышал.

— Так расскажи мне, что ты слышал.

— Его родители умерли. Говорят, это сильно его потрясло. Семья была богатой. Они владели каким-то

патентом, который до сих пор приносит немалый доход. Порядка шестидесяти миллионов, по словам Денниса.

— Его обитель уж никак не тянет на шестьдесят миллионов долларов.

— Все его деньги переданы в доверительное управление, пока сам он погружен в транс.

— Пока он лежит как бревно, ты это имел в виду?

— Он не просто лежит как бревно. Деннис пребывает в состоянии самадхи¹. Его сердцебиение и дыхание замедляются и почти сходят на нет. Время от времени даже наступает клиническая смерть.

— И ты хочешь, чтобы я этому поверил, детектив?

— Все так и есть, — улыбнулся он. — За последний год несколько врачей констатировали его смерть, но Деннис всегда пробуждался вновь. Джамал, который Все-в-одном, коллекционирует свидетельства о его смерти.

— Надо полагать, эти периодические умирания Денниса нехило напрягают его священника и его бухгалтеря.

— Пока Деннис лежит в транс, всеми его финансами ведают управляющие, которые выделяют ему достаточно средств на квартиру, где мы сегодня встретились, и на поддержание себя в нужной степени просветленности.

— Ты все это узнал случайно или выведал как детектив?

— Понемногу того и другого.

— Что ж, — сказал я, останавливаясь, чтобы не попасть под машину, которая разворачивалась с заездом на тротуар, — каким бы высоким и полным ни был его улет, я могу лишь признать, что он самый бревноподобный из всех улетчиков, мною виденных.

— Тут он вне конкуренции, — ухмыльнулся Навин.

¹ *Самадхи* — состояние просветления и умиротворения, последняя из восьми ступеней, ведущих к нирване.

- Мы немного помолчали, осмысливая данный факт.
- О чем вторая история? — спросил Навин.
- Конкэннон, — сказал я.
- Он боксирует в одном спортзале со мной. Я о нем мало что знаю, но могу сказать пару вещей.
- А именно?
- Во-первых, у него очень коварный и жесткий хук слева — как из пушки. Но в случае промаха его заносит.
- Заносит?
- Всякий раз. Он проводит джеб левой, затем бьет правой в корпус и тут же запускает свой левый хук. Но если уйти от хука, он раскрывается для встречного удара. Правда, он очень быстрый и редко промахивается. Боксирует он что надо.
- Теперь во-вторых.
- Во-вторых, это через него я получил доступ к Деннису. Деннис его любит. Когда он выходит из транса, то общается с Конкэнноном дольше, чем с кем-либо другим. Я слышал, он даже собирается законным порядком усыновить Конкэннона. Но это непросто, поскольку тот старше Денниса, и к тому же он иностранец. Я не уверен, что есть прецеденты усыновления индийцем белого человека, который старше своего приемного отца.
- А что это значит, «доступ к Деннису»?
- Тысячи людей стремятся попасть к Деннису, когда он в трансе. Они думают, что в периоды своей *временной* смерти он может контактировать с теми, кто умер *окончательно*. Но почти никому не удастся туда войти.
- Кроме тех случаев, когда ты просто стучишься в дверь иходишь.
- Ты не понял. Никто *не осмелится* просто так постучать и войти, когда Деннис в трансе.
- Да брось ты!
- Во всяком случае, никто ни разу не осмелился до того, как это сделал ты.
- Денниса мы уже обсудили, — сказал я, пропуская большую тележку, которую катили сразу четыре человека. — Вернемся к Конкэннону.

— Как я говорил, он боксирует в спортзале. Дерется грязновато, как уличный боец. Из остального знаю только, что он любит вечеринки и шумные компании.

— Язык у него поганый. Если человек дожил до его лет с таким поганым языком, значит за ним есть еще что-то посерьезнее.

— Ты считаешь, мне стоит к нему приглядеться?

— Только к его обратной стороне.

— Ладно. А третья история? — спросил он.

Я свернул с тротуара на узкую дорожку.

— Куда мы идем? — спросил он, следуя за мной.

— Хочу выпить сока.

— Сока?

— День жаркий. Что странного в таком желании?

— Ничего. Отлично. Я люблю сок.

Тридцать девять градусов в Бомбее, охлажденный арбузный сок, вентиляторы низко над головой работают на третьей скорости: блаженство.

— Итак... ты у нас детектив? Это всерьез?

— Да. Все началось со случайности, но теперь я занимаюсь этим делом уже почти год.

— И что это за случайность, превращающая обычных людей в детективов?

— Я учился на юриста, — сказал он, — и был уже на последнем курсе, когда мне попала одна монография о частных детективах и их сотрудничестве с судебной системой. Что меня реально заинтересовало, так это описание детективной работы, причем заинтересовало настолько, что я бросил учебу и подался в частный сыск.

— Ну и как оно там?

Навин рассмеялся:

— Супружеская измена — явление более здоровое по своей сути, чем, например, игра на фондовой бирже, и намного более предсказуемое. Я провел несколько таких дел, но потом решил, что с меня хватит. В паре со мной работал еще один детектив, обучивший меня азам. Сам он уже тридцать пять лет копается в грязном белье, и до сих пор ему это в охотку. А мне нет. Для загулявших

на стороне мужей это всякий раз приключение. А для меня их делишки — тоска зеленая, вечно одно и то же.

— И чем ты занялся, покинув тучные пастбища супружеских измен?

— С той поры я нашел двух пропавших собак, одного пропавшего мужа и, до кучи, пропавшую кастрюлю-кассероль. Похоже, все мои клиенты, благослови их бог, попросту слишком ленивы или слишком спесивы, чтобы лично заниматься такой ерундой.

— Но тебе ведь нравится работа детектива? Адреналин и все такое?

— Знаешь, что мне нравится в этом деле? Здесь в конечном счете ты докапываешься до правды. Как юрист, ты можешь себе позволить лишь часть правды, какую-то ее версию. А здесь все реально, даже если это всего лишь старая фамильная кассероль. Ты имеешь дело с реальностью, которую нельзя исказить или перевернуть.

— И ты намерен продолжать в том же духе?

— Не знаю. — Он улыбнулся, глядя мимо меня. — Думаю, это будет зависеть от того, насколько я хорош.

— Или насколько плох.

— Да, или насколько плох.

— Между прочим, мы уже перешли к третьей истории, — сказал я. — Тема: Навин Адэр, индийско-ирландский частный сыщик.

Он засмеялся, сверкнув белыми зубами, но смех очень быстро угас.

— Да тут и рассказывать особо нечего.

— Навин Адэр, — повторил я имя. — Интересно, какая половинка твоей задницы получает больше пинков, индийская или ирландская?

— Я слишком белый для азиатов и слишком азиатский для белых, — усмехнулся он. — Мой отец...

Для многих из нас за словом «отец» скрывается обширная область воспоминаний с крутыми скалистыми пиками и затерянными долинами. Я вместе с ним преодолел все складки этого ландшафта, терпеливо дожидаясь, когда он вернется к заданной теме.

— ...И мы с мамой остались нищими после того, как он нас бросил. Мы жили на улице, пока мне не исполнилось пять лет, хотя я почти не помню то время.

— А что случилось потом?

Он окинул взглядом улицу с ее калейдоскопом красок и эмоций.

— Отец умер от туберкулеза, — сказал Навин, — а в завещании все отписал маме. И вдруг оказалось, что за последние годы он сколотил недурной капиталец. Мы в одночасье сделались богатыми, и...

— ...и все изменилось.

Взглядом он дал мне понять, что и так поведал более чем достаточно.

Вентилятор, вращавшийся всего в нескольких дюймах от моего затылка, начал вызывать у меня леденящую головную боль. Я подозвал официанта и попросил снизить скорость до второй.

— Замерзаете? — насмешливо спросил он, положив руку на переключатель. — Сейчас я покажу вам настоящий холод.

И включил ураганную пятую скорость, так что вскоре у меня начали застывать щеки. Мы расплатились и покинули кафе, услышав за спиной «до свидания» официанта, и тотчас последовал его призывный вопль:

— Второй столик снова свободен!

— Мне понравилось это заведение, — сказал Навин уже на улице.

— В самом деле?

— Да. Отличный сок, наглые официанты. Самое то.

— Мы с тобой и вправду можем подружиться, детектив. И, надо думать, мы подружимся.

ГЛАВА 2

Память, мой возлюбленный недруг, порой включается в самый неподходящий момент. Воспоминания о тех бомбейских днях накатывают на меня столь внезап-

но и живо, что я выпадаю из настоящего времени и забываю о делах насущных. Промелькнет улыбка, зазвучит песня, и вот я уже унесен в прошлое: валяюсь в постели давним солнечным утром, гоню на мотоцикле по горной дороге или, связанный и избитый, умоляю судьбу дать мне хоть какой-нибудь шанс. И я люблю каждый миг этого прошлого, каждый миг встречи с другом или врагом, каждый миг ярости или прощения — каждый миг жизни. Вот только память зачастую уносит меня пусть и в правильное место, но в неправильное время, что порождает болезненные конфликты с реальностью.

По идее, после всего, что я натворил и что сотворили со мной, я должен был бы ожесточиться. Мне не раз говорили, что надо быть злее и жестче. Как заметил один старый ээк: «Ты мог бы стать в натуре крутым авторитетом, будь в тебе хоть капля чистой злости». Но таким уж я уродился, без капли злости или горечи, и таким остаюсь по сей день. Мне случалось впадать в ярость или в отчаяние, и до недавних пор я слишком часто делал дурные вещи, но никогда я не испытывал ненависти к кому бы то ни было и никогда не задавался целью причинить зло другим, даже моим мучителям. Конечно, хорошая порция злости может иной раз пригодиться в порядке защитной реакции, но я знаю, что врата цинизма непроеходимы для светлых воспоминаний. А я дорожу своими воспоминаниями, хоть и несвоевременно меня посещающими, — в том числе и воспоминанием о тех самых минутах на бомбейской улице, когда жаркие пятна солнца растекались по асфальту в просветах между платанами; когда бесстрашные девчонки шныряли на скутерах в плотном потоке транспорта; когда тележечники натужно, но с неизменной улыбкой катили мимо меня свой груз; когда я познакомился с молодым индийско-ирландским детективом по имени Навин Адэр.

Какое-то время мы с ним продолжали путь молча, лавируя между машинами и встречными пешеходами, уклоняясь от велосипедистов и тележек в нескончаемом танце уличной жизни.